

Геннадий Гребенник

ПРОФЕССОР СЕМЁН ИОСИФОВИЧ АППАТОВ

Готовится к печати книга профессора Одесского национального университета им. И. И. Мечникова Г.П. Гребенника под названием «Записки университетского человека». В нее войдут уже известные читателю нашего альманаха «Записки обитателя одесского истфака» (№№ 45-48) и вещь под названием «Между Вольтером и Руссо». Это не столько биографическое произведение, сколько исследование посредством биографического метода «самого советского поколения» шестидесятников. Ниже публикуется отрывок из этой работы.

1

Хорошо известно, что в школе учат, а в университете преподают. Но и среди преподавателей изредка встречаются Учителя. Писать надо именно так – с большой буквы. Быть Учителем в университете – значит оказывать на избранных студентов, своих учеников, чрезвычайное воздействие. Таким Учителем был профессор Семен Иосифович Аппатов (24.01.1930 – 26.03.2003). Его очень характеризовало слово «*безупречный*». Он был безупречный профессионал, безупречно воспитанный человек, безупречный семьянин.

Семен Иосифович обладал интеллигентностью, тонкой душевной организацией. В нем не было ни грана пошлости. Трудно представить себе, чтобы с его уст слетело бы какое-нибудь «непечатное выражение» или в его присутствии кто-то посмел бы рассказать сальный анекдот. В его глазах светились понимание и участие. В то же время ему было свойственно «мужское поведение». Он был человеком слова и дела, держался с достоинством. Его манерам был присущ, я бы сказал, заграничный лоск, нездешняя эlegantность.

Его отличала высокая самоорганизация: он жил «по системе», закаливал себя физически и нравственно. Он сумел организовать себя так, что вся его жизнь, несмотря на трудности и превратности, стала одним неуклонным движением от одной цели к другой. Это само по себе является большим достижением. Кроме того, он дисциплинировал и организовывал вокруг себя социальное пространство. И наградой ему стало общественное признание и благодарная память.

2

Если бы не было пресловутой «пятой графы», жизнь Семена Иосифовича сложилась бы иначе. Родина могла бы обрести в его лице выдающегося дипломата. Но она была.

Он готовил себя к дипломатической карьере. В 1952 году закончил факультет международных отношений Киевского университета с красным дипломом. Кстати, это был первый выпуск только что открывшегося факультета. Казалось, дорога к воплощению заветной мечты была открыта. Но в это время шла инициированная Сталиным антисемитская компания «борьбы с космополитами», и в условиях острой нехватки подготовленных дипломатических кадров ему предложили место... учителя в школе.

Проблема государственного антисемитизма в Советском Союзе, государстве, которое проповедовало интернационализм в качестве базового принципа своей идеологии, — настолько сложная, что требует специального исследования. Поэтому углубляться в нее я не буду, а коснусь лишь в той мере, в какой она прошла по жизни моего героя.

Между тем у С. И. Аппатова была типичная биография советского еврейского гуманитария, родившегося в 30-е годы. Советские еврейские интеллигенты получили интернационалистское воспитание. «Не только воспитание, но сама атмосфера Одессы сформировала меня так, что — независимо от апостола Павла — я не научился отличать эллина от иудея», — писал искусствовед Борис Моисеевич Бернштейн¹. Социолог Владимир Эммануилович Шляпентох вторил: «В нашей семье не соблюдались никакие еврейские обычаи. Мое тринадцатилетие пришлось на октябрь 1939 года и, по сути, никак не отмечалось в семье не только потому, что папа умер всего за две недели до этого, но и потому, что это было совершенно не принято в кругу секуляризованных и ассимилированных евреев»².

«Я равнодушен к поискам корней, традиций и не слишком много думал, откуда рос, из чего складывался» — трудно представить более странные слова в устах выдающегося мыслителя-гуманитария, занимающегося философией истории и культурологией, чем эти мемуарные размышления Г.С. Померанца, — пишет Алек Эпштейн в статье, посвященной групповому портрету интеллектуальной элиты «шестидесятников» русско-еврейского происхождения, выросших и сформировавшихся в исключительно советской среде³.

Он проанализировал 14 биографий выдающихся ученых-гуманитариев еврейской национальности. Эти биографии удивляют своей схожестью. Все жили в Москве и Ленинграде в секуляризованных и русифицированных семьях. В детские годы еврейская тема как таковая их совершенно не занимала. Об этом все они пишут, как под копирку. Стремление к знаниям, желание преуспеть интеллектуально, чего бы это ни стоило, отличало практически всех. За редким исключением, они заканчивали школы с медалями, учились в вузах на одни пятерки, получали красные дипломы и продолжали успешно заниматься наукой, блестяще защищали диссертации. Но тут на пути их карьерного роста встало само государство.

Широкомасштабная антисемитская кампания была задумана Сталиным как акция на опережение. «Сталин не мог допустить, чтобы brave офицеры с орденами и ленточками о ранениях выступили как в свое время декабристы, и решил перехватить инициативу, упредить их. Самым простым и безошибочным способом было лишить фронтовую молодежь политической невинности, втянуть в погром космополитов на университетских кафедрах, вузовских партийных собраниях, в тех же издательствах и других идеологических учреждениях»⁴.

В результате пострадали наука и нравственная атмосфера в обществе. Молодых интеллигентов еврейской национальности тысячами изгоняли из университетов, исследовательских и педагогических институтов, издательств, библиотек. Всеми правдами и неправдами их «выдавливали» из Москвы и Питера в провинциальные города обширного Советского Союза. Как всегда

в таких случаях наряду с очевидным негативом имел место и положительный эффект: эти города получили ценные приобретения. Например, потомственный ленинградец Ю. М. Лотман после защиты в 1952 году кандидатской диссертации оказался в Тарту, где ему нашлась вакансия в педагогическом институте. Оставшись на всю жизнь в Тарту, он прославил этот город своей семиотической школой. Одесса приобрела С. И. Аппатова. Что касается самих пострадавших, то и тут не все однозначно. Многие зависело от характера. Чтобы долго не распространяться на эту тему, просто приведу две цитаты.

Философ, социолог, психолог, сексолог **Игорь Кон:**

- Быть первым учеником всегда плохо, это увеличивает опасность **конформизма**. Быть отличником в плохой школе, - а сталинская школа учебы и жизни была во всех отношениях отвратительна, - опасно вдвойне; для способного и честолюбивого юноши нет ничего страшнее старательного усвоения ложных взглядов и почтения к плохим учителям. Если бы не социальная маргинальность, связанная с **еврейской** фамилией, закрывавшая путь к **политической** карьере и способствовавшая развитию изначально скептического склада мышления, из меня вполне мог бы вырасти идеологический погромщик или преуспевающий партийный функционер»⁵.

Публицист и эссеист **Марлен Кораллов:**

- Свершились Февраль, Октябрь, объявившие равноправие. Новому государству, изгонявшему классово чуждую бюрократию, интеллигенцию, понадобился новый управленческий аппарат. Евреи, обладавшие свободой и равноправием, пошли в науку, искусство и в ЧК-НКВД, конечно, тоже... Если исходить из первого двадцатилетия Страны Советов, то можно говорить о большом количестве евреев, занимавших высокие должностные посты. Можно делать вывод: «Видите, кто виноват во всех прегрешениях!» Но люди, поверившие в свое равноправие, освобождались (я сейчас упраздняю всякие оттенки) и от своего еврейства. Творили свои прегрешения вместе со всеми. Иудейского в них становилось все меньше и меньше. Процесс, в который они были вовлечены, оказался разъевреиванием евреев. И если бы он шел без срывов, ассимиляция справлялась бы с русским еврейством гораздо умнее, чем погромы, преследования. Даже гуманнее. Пошла вторая двадцатка лет. Клейменных пятым пунктом попросили выйти вон из МИДа, КГБ, МВД... Нередко в ущерб Державе. Изгоняли из сфер высоких, загоняли пониже в соцподвалы, настойчиво приглашали в ГУЛАГ. Но не командовать. Входя под конвоем в истоптанную предками колею, иные в меру сил объевреивались. Потянулись к нацкорням»⁶.

Потянулся ли к своим национальным корням Семен Иосифович, утверждать не стану. Но ущемленным евреем он себя точно почувствовал. Дискриминация не просто коснулась его, она прорезала его тонко устроенную душу, как острым камнем по стеклу. И она, душа его, скукожилась. Дискриминация нанесла его вере в справедливость советской власти удар страшной силы, подрезала крылья на взлете, психологически закрепостила его на всю жизнь. Тема антисемитизма была для него крайне болезненной и табуированной. В этом, я считаю, причина его зажатости, повышенной осторожности. Правда, изредка он утрачивал контроль, и чувство еврейской солидарности поднималось на поверхность. Вот один эпизод. Студент (фамилия здесь не имеет значения), комсомольский лидер,

отличник, сдавал ему экзамен. Речь зашла о шестидневной войне Израиля с Египтом, которая случилась недавно, и ее события еще дышали новизной. Как известно, Советский Союз тогда стоял за спиной Египта и режим Гамалы Абдель Нассера числил в «прогрессивных», чуть ли не в «социалистических», а Израиль активно поддерживали Штаты. Студент, как и положено, резко осудил «агрессивный израильский сионизм». Аппатов выслушал хмуро, затем сказал: «Я знаю, что ты едешь в стройотряд, поэтому ставлю тебе «четыре». «За что четыре?», - повисло в воздухе. История имела продолжение. На банкете по случаю окончания университета Аппатов сам подошел к этому студенту и сказал: «Боря, я знаю, что ты на меня сердишься. Хочешь, мы организуем тебе пересдачу?». Это было странно: университет закончен, диплом на руках. Видно, Аппатов корил себя за «необъективность».

3

С.И. Аппатов пришел в Одесский университет в 1966 году по приглашению заведующего кафедрой всемирной истории профессора Константина Дмитриевича Петряева (1917-1987). Петряев был видный ученый-германист, хорошо владел немецким языком и подбирал на кафедру людей «с языками», поскольку предметы всемирной истории предполагают знание иностранной литературы по первоисточникам. Семен Иосифович на всю жизнь сохранил благодарность к этому противоречивому человеку и всегда уважительно отзывался о нем.

До этого с 1958 года Аппатов работал директором Одесских государственных курсов иностранных языков (одесситы называют их «Чкаловские», поскольку они с 1959 г. располагаются на улице Чкалова, ныне Б. Арнаутская, в здании СШ № 90). За время своей работы он поставил эти курсы, что называется, на широкую ногу. Они стали знаменитыми благодаря его организаторскому таланту. Он подобрал прекрасный педагогический коллектив. Между прочим, среди них был ставший его другом на всю жизнь Владимир Львович Скалкин, будущий профессор, доктор педагогических наук, автор многочисленных учебников по методике преподавания английского языка.

Руководя курсами, Семен Иосифович занялся наукой, написал и защитил в триумфальном для себя 1966 году кандидатскую диссертацию на тему: «Американская историография о политике США в Германии и германской проблеме после Второй Мировой войны». В этом же году она была издана в виде книги в московском издательстве «Международные отношения». В ходе написания диссертации Семен Иосифович консультировался у К. Д. Петряева, поэтому у последнего была возможность оценить его достоинства и перспективу.

На историческом факультете Семен Иосифович быстро завоевал авторитет у своих коллег и студентов. У студентов еще и любовь. На общем фоне советской реальности С. И. Аппатов как преподаватель и лектор-международник явно выделялся «лица необщим выраженьем». «Он меня притягивал тем, что от него можно было услышать *живое слово*», - сказал в беседе со мной **А. И. Домбровский**². Он нашел очень верное словосочетание, потому что в то время, в 70-х, возобладал догматизм и мертвящий язык партийной пропаганды, образцы которого давали материалы съездов и пленумов ЦК КПСС. На этом фоне скучнейшего партийного новояза аппатовские лекции,

богатые аналитикой и образностью, выглядели как живые цветы на фоне кладбищенских венков.

В. В. Попков⁸ назвал С. И. Аппатова в числе трех преподавателей, которые нравились ему больше всех в период его учебы на истфаке. И пояснил:

- Аппатов нравился своей интеллигентностью, внутренней вышколенностью, то есть он действительно давал какую-то норму достойного поведения.

- *Что ты имеешь в виду под словом «вышколенность»?*

- Это означает, что человек умеет говорить, умеет вести себя. С годами я убеждаюсь в том, что вести себя – это далеко не последнее качество. Имеется в виду умение выстроить ровные отношения со своим окружением - со студентами разных курсов, с руководством, коллегами-преподавателями. Есть некий этос межчеловеческих отношений. Если его придерживаться, то люди будут правильно понимать свое место. У Аппатова это было.

- *Как Аппатову удавалось уживаться с Системой и в то же время быть открытым, интересным для студентов?*

- Если другие, как попки, осуждали американский империализм, то Аппатов привносил в свои лекции серьезный элемент аналитичности. Он включал наше мышление, напрягал не только наши барабанные перепонки, но и мозги. Причем ему больше удавались лекции конкретно-исторического плана, где отсутствовали идеологические клише.

Ю. Б. Селиванов⁹:

- У Аппатова налет демократичности, западный стиль был. Он действительно отличался этим от большинства наших преподавателей. Вот Карышковский тоже был абсолютно продвинутый человек. Он даже был более «западный», чем Аппатов. Я имею в виду манеру поведения. Полная свобода, раскованность. Для него это не демократичность, не форма, а естественное проявление его сущности. К примеру, он приходит к нам на лекцию в потертых джинсах. Кто себе мог в то время такое позволить?! Садится за стол, снимает туфлю, чешет пятку, затем закидывает ногу за ногу, и начинает говорить. Полная раскрепощенность. В сравнении с ним Аппатов был зажат, но зажат по-западному (смеется). Я помню лекцию Карышковского о Петрарке. Я почувствовал, что меня ударило током и продолжало бить на протяжении лекции. Я не мог себе представить глубины понятий, которые он раскрывал за словесными формами Петрарки. То есть он давал расшифровку эпохи через творчество ее выдающегося представителя. Лекции Аппатова такого сногшибательного впечатления не производили.

Мой сокурсник Юрий Борисович Селиванов был аппатовским учеником, но другой группы крови, чем Семен Иосифович. И его впечатления об Аппатове, которые он пронес сквозь десятилетия, пожалуй, обусловлены прежде всего этим, а также взглядом на советский либерализм как на конформизм, форму приспособления, сотрудничества с властью. Мера объективности, диктуемая принципом историзма, требует подойти к оценке личности С. И. Аппатова с учетом общего уровня преподавания общественных наук в университетах Советского Союза. И тогда незаурядность его личности станет очевидной.

Н. Т. Щербань¹⁰ вспоминает:

- Впервые об Аппатове я узнал, когда, еще будучи в армии, пошел на курсы английского языка на улице Чкалова. Тогда он уже не был директором этих курсов. Я разговорился с преподавателями и сказал, что ваш директор не производит впечатления, а они мне сказали: у нас раньше был Семен Иосифович Аппатов. Вот это был директор курсов! А потом я услышал о нем от Владимира Петровича Дроздовского, доцента филфака. Мы с ним дружили, довольно часто встречались дома то у меня, то у него. Так вот, он однажды сказал, что у них есть человек, который мыслит не так, как мы. Лучшего лектора по международным отношениям не найдешь. Это он говорил об Аппатове, который только-только перешел на работу в университет.

Расскажу и о собственном впечатлении от преподавания и ораторского мастерства С. И. Аппатова. Он читал нам лекции по новейшей истории стран Европы и Америки на четвертом курсе. К его приходу мы были наслышаны о нем, и его высокий профессионализм не ставился под сомнение. Конечно, не все его лекции слушались с одинаковым интересом. Но были и «коронки». Аппатов достаточно часто ссылаясь на западные источники, прессу, собственные впечатления от бесед с американскими политиками и учеными. Я даже думаю, что он иногда чуть-чуть преувеличивал в наших глазах круг своих личных отношений с западными политологами, поскольку в тот период он в Америку еще не ездил. Благодаря своим московским связям, прежде всего в арбатовском Институте США и Канады, он знал о закулисных аспектах международной политики, знал, как готовятся события в большой политике, имел доступ к закрытым материалам и умел красиво подать эту информацию.

Семен Иосифович читал нам историю современности, судил о том, что вчера еще было в газетах, передавалось в новостных передачах по радио и телевидению. Можно ли быть историком современности? Аппатов доказывал, что можно. Приводил в пример К. Маркса. Мне тогда, да и сейчас представляется этот аргумент неубедительным: что позволено Юпитеру...

Историк современности должен видеть в ней закономерный результат развития больших исторических циклов, эпохальных тенденций, которые продолжают работать и обуславливать нашу жизнь больше, чем современная политическая суета сует. Текущая политика – это круги на воде. Но у нее имеется своя архитекtonика, в действительно исторических масштабах на нее воздействуют мощные подводные океанические течения космического происхождения. Насколько способен историк современности учесть эти факторы в своем актуальном анализе текущей истории?

Наконец, история имеет вечные основы, и вот к этому зову вечности историк современности, как правило, бывает глух. Его слух настроен на короткий и ультракороткий диапазоны. Историк современности по определению глубже политолога. Тот в состоянии в лучшем случае прогнозировать замыслы людей власти, принимающих решения. Но замыслы людей и «замыслы» истории не совпадают. Попросите меня назвать хотя бы одно имя живого историка современности, и я затруднюсь ответить. В общем, это большая проблема, и сам Аппатов решал ее всю жизнь в процессе исследовательской деятельности.

Он был опытным оратором, владел накатанными приемами. На первом курсе нам читал лекции по истории КПСС доцент Яков Миронович Штернштейн. Вот

это был оратор! Мастер высочайшего класса. Маленького роста с седой бородой а'ля Карл Маркс и очень живыми, молодыми глазами он ходил по аудитории с палочкой в руке и гремел. Он не читал лекцию, а произносил ее. Голосовые модуляции, смена ритма и тона, артистические жесты, живая мимика лица, поставленный размеренный голос, как будто в груди у него стучал метроном, чувство аудитории, заранее подготовленные «экспромты» для разрядки внимания, образная четкая речь и, наконец, чувство аудитории - все это завораживало. И хотя было заметно, что лектор любит себя, «гарцует», в целом это не портило впечатление от ораторской мощи. Ничего подобного в жизни я больше не встречал. Аппатов был оратором совсем другого плана. Его манера была деловитой, без аффектаций. Не красотой речи брал он, а, прежде всего, логикой и глубиной анализа. Он разворачивал перед студентами проблему в ее историческом ракурсе, показывал ее многогранность, как разные связи и интересы переплетаются в тугой узел, над которым бьются дипломаты разных стран. Он раскрывал слушателям, как сейчас модно говорить, бэкграунд - какие фундаментальные вещи скрываются за текущими событиями международной жизни. Шахматная партия, которую разыгрывают главные игроки мировой политики, - вот, пожалуй, тот образ, который чаще всего присутствовал в лекциях Семена Иосифовича.

У него были свои фирменные «трафареты»: фразы и выражения, позволявшие зайти на тему или, наоборот, закруглить ее. Речь свою он пересыпал поговорками типа: «не ставить телегу впереди лошади», «выплеснуть ребенка вместе с водой», «не мытьем, так катаньем». Его ученики поддавали под обаяние этой манеры и вольно или невольно ему подражали. В этой связи помнится один забавный случай. Нам читал открытую лекцию молодой преподаватель, только что закончивший московскую аспирантуру ученик Аппатова Николай Яковлевич Лазарев по прозвищу «Кока». Он к тому же был куратором нашего курса. Дистанция в возрасте у нас была небольшая, и Кока напускал на себя солидность. Лекции читать он еще не имел права, поэтому его лекция была не только открытая, поскольку на ней присутствовал сам Семен Иосифович, но и экспериментальная. Я уже даже не помню тему лекции. Вероятно, что-то по африканистике, ведь Кока специализировался по этой тематике. Так вот, начал он хорошо. Но вскоре курс перестал его слушать. Дело в том, что Кока стал отчаянно злоупотреблять аппатовскими пословицами. Через каждые несколько предложений он «ставил телегу перед лошадей», «выплескивал ребенка вместе с водой» и «не мытьем, так катаньем» добивался своего. Студенты вслух стали считать количество выданных им присловий. Семен Иосифович вначале посмеивался, прикрывая рот рукой, но затем не выдержал и расхохотался в голос, и вместе с ним смеялся весь курс. Надо отдать должное Коке: он тоже улыбался.

Либерализм Семена Иосифовича не был выученным и конъюнктурным. Он был основой его культуры и проявлялся в разных аспектах и деталях его поведения. В то же время жизнь научила его осторожности в словах. Он обычно давал понять больше, чем говорил. Думаю, он много работал над этим стилем и, наконец, превратил его в свою вторую натуру.

Мне всегда казалось, что в публичных выступлениях Аппатова на политические темы таится еле заметная ирония. Он прятал ее в подтекст того, о чем говорил и писал. Поэтому к нему не могли придраться идеологические

волки. Слишком тонко, на уровне интонации все это было. В его умных, грустных глазах читалось понимание и того, что происходило в стране в период «застоя», и того, что стало происходить в период «независимого возрождения». Ситуация вроде бы кардинально изменилась, а политическое лицемерие осталось все тем же. Воздух специфической украинской свободы становился для него тяжким. Это, конечно, не было основной и даже второй причиной его эмиграции. И все же и это обстоятельство, полагаю, легло на весы принятия окончательного решения.

Опубликовано: Дерibasовская – Ришельевская: Одесский альманах. – Кн. 50 /Всемирный клуб одесситов. – Одесса: АО «Пласке», 2012. – С. 84-95.

---

¹ Бернштейн Б.М. Старый колодец: Книга воспоминаний. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2008. С. 9.

² Шляпентох В.Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Звезда, 2003. - С. 133.

³ Эпштейн Алек Д. Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения: штрихи к портрету // НЛЮ. – 2010. - № 103.

⁴ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. – М.: Вагриус, 2001. – С. 19.

⁵ Кон И. С. 80 лет одиночества / электронная версия, испр. и доп. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Kon/80Let/00.htm>

⁶Лагерная пыль // Лехаим, авг. 2008. - № 8(196) // <http://www.lechaim.ru/ARHIV/196/4x4.htm>

⁷ Алексей Ильич Домбровский учился на историческом факультете в 1968-1973 гг., ныне – доцент ОНУ им. И. И. Мечникова.

⁸ Василий Васильевич Попков был студентом исторического факультета ОГУ в 1968-1973 гг., ныне профессор кафедры политологии ОНУ. Беседа состоялась в декабре 2011 г.

⁹ Юрий Борисович Селиванов учился на истфаке ОГУ в 1973-1978 гг., подполковник в отставке, ныне директор ТРК «Академия». Беседа состоялась в октябре 2011 г.

¹⁰ Николай Трофимович Щербань - редактор газеты «Одесский университет (1984-1996), ныне – старший преподаватель факультета журналистики ОНУ. Беседа состоялась в сентябре 2011 г.